Марина Ветрова ✦ Милана Седина

ИЗМЕНА МУЖА.

Ты променял меня на любовницу, но твой начальник выбрал меня!

Милана Седина

Измена мужа. Ты променял меня на любовницу, но твой начальник выбрал меня!

«Автор»
2026

Седина М.

Измена мужа. Ты променял меня на любовницу, но твой начальник выбрал меня! / М. Седина — «Автор», 2026

Я прилетела к мужу на сутки раньше, мечтая устроить романтический сюрприз. Но сюрприз ждал меня: Глеб развлекался с любовницей в нашем отеле.Десять лет брака, три переезда, принесённая в жертву карьера — всё оказалось ложью.Я собиралась уйти тихо. Пока не обнаружила документы, способные уничтожить карьеру мужа.Теперь его судьба зависит от моих показаний.А рядом появился Саид — влиятельный руководитель холдинга, перед которым трепещут даже мои обидчики. Он предлагает защиту, новую должность и нечто гораздо более опасное — своё сердце.Глеб уверен, что я вернусь.Но скоро он будет умолять меня совсем о другом. И впервые я скажу нет.

© Седина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сюрприз 5
Глава 2. Утро после конца света 7
Глава 3. Мёртвые брони 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Марина Ветрова, Милана Седина Измена мужа. Ты променял меня на любовницу, но твой начальник выбрал меня!

Глава 1. Сюрприз

Смена выдалась из тех, после которых хочется не жить, а стоять под горячим душем и молчать. Одиннадцать часов в воздухе, пассажир с температурой в двадцать третьем ряду, мальчишка, который орал при заходе на посадку так, что закладывало уши всему салону. Но я летела в Маскат, а в Маскате — Глеб. Три недели командировки. Три недели я считала дни, как девчонка.

— Вер, ты глупая? — Тала смотрела на меня в отсеке экипажа так, будто я предложила ей прыгнуть без парашюта. — Кто меняется сменами ради мужчины?

— Я. Потому что прилечу на сутки раньше и застану его до его дедлайна.

— Ты прилетишь на сутки раньше, чтобы стирать его рубашки.

— Я прилечу, — сказала я, — и сделаю ему сюрприз.

Тала закатила глаза, но смену мне отдала. Она всегда мне всё отдавала — за пятнадцать лет в небе я так и не научилась говорить «нет» тем, кого люблю. Может, поэтому и живу так, как живу.

Десять лет назад я ушла из магистратуры, из лаборатории, из города, где у меня была своя койка в общежитии и своя жизнь, — ради его перевода. Потом был второй перевод. Третий. Каждый раз я говорила себе: его карьера важнее, он мужчина, ему расти. А потом они позвали меня в «Сокол» — чартерный флот холдинга Аль-Фахри, — и впервые в жизни что-то в этой семье было моим. Мои крылья. Моя лицензия. Моё имя в лётной документации.

Глеб встретил новость о моём рейсе в Мускат вялым «отлично, зайчонок, у меня как раз тут завал». Так я и решила: прилечу раньше. Застану его между его завалом и его дедлайном. Ужин на крыше, море внизу, свечи — пусть не удивляется, что я умею не только ждать.

В «Маджане» я была сотню раз — флагманский отель нашей сети, тяжёлые двери, пахнущие удом, кофе с кардамоном, который подают даже уволенным, вот столько сердечности в этом доме. Глеб жил в корпусе для менеджеров, четыре-двенадцать. Я попросила на ресепшене соседний. Четыре-четырнадцать. Мальчик за стойкой, у которого был такой вид, будто вся его жизнь — подбор ключей, щёлкнул картой и улыбнулся:

— Тихие соседи, мадам. Вам повезёт.

Мне повезёт. Вот именно так я и думала, да.

Я приняла душ, надела то самое платье — синее, покупали вместе в позапрошлом отпуске, он говорил: «цвет твоих глаз под халатом моря». Волосы высушила. Взяла коробку фиников в сиропе — он без ума от них. И пошла по коридору тридцать шагов, считая двери, как в детстве считала ступеньки.

Четыре-четырнадцать.

И тут я услышала.

Голос мужа. Смех. Женский смех — низкий, домашний, тот смех, которым женщины смеются не с людьми, а с мужчинами, которых любят. Я стояла с коробкой фиников в руке, и смех был за этой дверью, за этими тридцатью шагами, которые я прошла за минуту чужой жизни.

Может, телевизор. Может, коллеги. Может, может, может.

Я не постучала. Рука сама опустила ручку — дверь была не заперта, мир не запирают, когда хозяевам нечего скрывать, — и я вошла.

Глеб стоял посреди номера без рубашки. Сабина Ким — менеджер по продажам, я видела её на корпоративах; дважды при мне она хвалила галстук Глеба. Теперь сидела на краю его кровати в его рубашке. Моего бы не было — его. На тумбочке — два бокала. На экране телефона — моя фотография, я в этом самом синем платье, вчера, перед вылетом, отправила: «скучаю, кот».

Кот обернулся. У него было время — целых две секунды — сделать лицо. Он не успел.

— Вера, — сказал он.

— Зайчонок, — сказала я. Голос у меня был ровный. Как у стюардессы, объявляющей о жёсткой посадке. — Я прилетела на сутки раньше.

Сабина даже не встала. Она натянуто улыбнулась и произнесла тоном корпоративной рассылки: — Ой, а я думала, мы встречаемся только на брифингах.

Финики в моей руке стали весить килограмм. Я поставила коробку на шкаф. Аккуратно. До сих пор не понимаю, зачем — наверное, чтобы руки чем-то занять, чтобы не схватить что-то тяжёлое и не швырнуть.

— Десять лет, — сказала я. — Магистратура. Три переезда. Всё это — ты знал, что это всё?

— Вер, не при людях, — он сделал шаг ко мне, и я увидела его настоящую маску — ту, что под обаянием. Злую, скуластую, чужую. — Ты всё не так поняла.

— Что именно я не так поняла? Уточни. Что там «так»?

Сабина хихикнула. Он её одёрнул одним взглядом — хозяин и собачка, всё как всегда, у него всегда всё было разложено по полочкам, а я думала, полочки — это для счастья.

Я развернулась. Он схватил меня за локоть на пороге, пальцы — горячие, свои, родные, десять лет родные, — и я впервые за десять лет вырвалась. Вышла в коридор, пахнущий удом и свежими лилиями, услышала за спиной щелчок — он захлопнул дверь.

Не я. Он захлопнул дверь у меня за спиной. Вот что самое смешное. Даже это он у меня отнял.

Я пошла к лифту, ровно, спина прямая, как учат на выживании: паника убивает, дыши, считай. Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь. В лифте было пусто и прохладно, зеркальные стены, и в них была я — в синем платье цвета его лжи, с идеально уложенными волосами, с макияжем, который я делала сорок минут ради ужина на крыше.

Ужин на крыше, море внизу, свечи.

Я прошла лобби — мрамор, прохлада, где-то пела тихая музыка, какой-то мужчина в белом кандуре что-то говорил по телефону, мир шёл своим чередом, мир не знал. Мир не знал, что десять лет только что кончились. Ночь снаружи была тёплая, как выдох, море шумело где-то слева, я дошла до скамейки у фонтана, села — и тут меня наконец прорвало. Я сидела у чужого фонтана в чужой ночи, прижимала к лицу рукав синего платья и ревела так, как не ревела даже на похоронах бабушки.

Телефон завибрировал. «Кот. ВЕРНИСЬ. Ты всё не так поняла».

Я долго смотрела на экран. Потом — сама не знаю зачем, уже без слёз, с какой-то звенящей ясностью — открыла переписку с фотографией в синем платье. «Скучаю, кот». Удалила. Вместе с котом.

Хорошо хоть, — думала я, глядя на воду в фонтане, — финики не открыла. Их же не вернуть.

Глава 2. Утро после конца света

Я не спала — я слушала стену.

Стена между номерами четыре-двенадцать и четыре-четырнадцать оказалась тонкой, как вся моя семейная жизнь. Ночью я прикладывала к ней ладонь — как к чужому пульсу — и ждала звука. Ни его голоса, ни её смеха. Только Маскат дышал за окном прибоем, равнодушный, как объявление о задержке.

Мой чемодан так и стоял посреди номера, распахнутый. Сверху лежало красное платье с биркой — я везла его через три перелёта, чтобы вечером надеть на ужин у моря и отпраздновать десять лет. Сюрприз мне устроили другой.

Под утро я попробовала снять кольцо. Не снялось — пальцы распухли от слёз. Даже кольцо он не отпустил с первого раза.

В шесть я встала и сделала то, что умею лучше всего: собрала лицо по частям. Холодная вода, тон, тушь, помада на два тона громче моего голоса. У стюардессы руки не дрожат на виду — так учили. Пассажир имеет право бояться. Экипаж — нет.

В столовой персонала пахло кардамоном, жареной лепёшкой и хлоркой, которой протёрли столы. Я взяла поднос — и двумя столиками впереди смолкли разговоры. Новости в этом доме летают быстрее наших бортов. За завтраком я услышала, как за двумя столиками от меня шепчутся: «Вчера в двадцать три ноль-ноль стюардесса устроила сцену у двери номера».

Я остановилась с подносом в руках. Значит, они уже всё знали. Только знали не о том, как муж изменил мне с коллегой, а о том, что я якобы устроила скандал. Удобная версия: неверный муж, невинная любовница и истеричная жена, которая не умеет держать себя в руках.

Я поставила поднос на ближайший свободный стол и медленно выдохнула. Вчера я потеряла мужа, но сегодня не собиралась терять ещё и достоинство. Пусть шепчутся, пусть придумывают подробности — оправдываться перед каждым человеком в этой столовой я не стану.

Я расправила плечи и направилась к столику у окна. Там, совершенно спокойная, сидела женщина, из-за которой моя жизнь прошлой ночью разлетелась на куски.

Сабина Ким завтракала так, словно ничего не произошло.

Глава 3. Мёртвые брони

Сабина ела дыню.

Она сидела в столовой персонала у самого окна и маленькой вилкой отправляла в рот кусочек за кусочком — аккуратно, будто завтрак был частью должностных обязанностей. Рядом хихикали две подруги из отдела бронирований, Сабина что-то рассказывала, и они смеялись в три голоса на всю столовую.

Она подняла глаза. Увидела меня. И улыбнулась — приветливо, как случайной знакомой: «О, доброе утро».

В её мире минувшей ночи просто не было.

Я поставила поднос. Руки помнили правило: пассажир имеет право бояться, экипаж — нет. Я взяла лепёшку, налила кофе с кардамоном, села — и в этот момент у стойки раздался голос дежурной:

— Маслову Веру просят в отдел персонала. Кабинет двенадцать. Немедленно.

Ложка звякнула о блюдце. Я не уронила её — я держала слишком крепко.

В кабинете двенадцать пахло бумагой и кондиционером. Госпожа Латифа, седой пробор, очки на цепочке, открыла папку с металлической застёжкой — такую папку выдают не человеку, а делу.

— Госпожа Ким подала официальную жалобу. Двенадцатого числа, двадцать три ноль пять: служащая Маслова оказала физическое воздействие, схватила за руку, нанесла оскорбления, выражала угрозы. — Она подняла глаза поверх очков. — На время разбирательства вы отстраняетесь от полётов.

— От полётов?

— Копия жалобы уйдёт в авиакомпанию. — Голос у неё был ровный, как объявления о задержке. — С жалобой подобного рода экипаж проходит внеочередную проверку на соответствие. Там не разбираются, кто кого первым схватил за руку. Там смотрят на факт: стюардесса. Конфликт. Руки.

Пятнадцать лет в небе. Ни одной рекламации, ни одного замечания — и вот на столе лежит лист, где я, оказывается, бросаюсь на людей.

— Камеры в коридоре двести сороковых номеров, — сказала я. — Они же есть.

— Это внутренний вопрос отеля. Распишитесь: с содержанием ознакомлена.

Я взяла ручку и под словом «ознакомлена» вывела: «С изложенным не согласна». Перо продавило бумагу насквозь.

Дверь распахнулась без стука. Тала. Старшая бортпроводница, двадцать два года в небе, голос, которым гасят панику на борту.

— Разрешите, я свидетель. — Она встала у стола, как у служебного трапа. — Я ждала экипаж у лифта. Госпожа Ким первой толкнула Маслову. И камеры на этаже работают — я вчера уточнила у дежурного, всё пишется.

Госпожа Латифа моргнула и сделала пометку. Короткую. Но сделала.

В коридоре Тала притянула меня к плечу — пахло от неё турбомойкой и мятным леденцом.

— Плакать будешь после смены. Сейчас — спина прямая. — Она сунула мне в руку бутылку воды. — Пей. И вот что: не сиди одна. Съезди в экипажную, выдохни. Два старых компьютера на минус первом — твои, пока разбирательство.

В экипажной было тихо и прохладно, пахло пылью и остывшим чаем. Я села у компьютера — просто чтобы не думать. Открыла личный кабинет «Сокола», свои брони. Хотела проверить, кто оформил мне вчерашнее заселение. Мелочь. Мне хотелось знать, чья рука привела меня под ту дверь.

Я открыла историю и увидела её.

Вот моя фамилия. Вот ночь, когда наш борт ушёл в Дели, посадка в два сорок, весь экипаж в воздухе. А комната в «Маджане» за мной числилась. Занята. Оплачена. Не прожита.

Я проверила дату ещё раз, потом открыла расписание рейса. Время вылета, список экипажа, отметка о посадке — всё сходилось. Ни я, ни кто-то из наших не мог в ту ночь оказаться в Маскате. Я провела ногтем по строке брони, будто от нажима цифры могли измениться. Не изменились.

Я прокрутила дальше. Коллега Ирина — бронь на ночь, когда она садилась в три утра на Стамбул. Инженер Марат — «проживание» в ту самую смену, когда он звонил мне с другого континента. Я открыла карточку каждой брони: даты, рейсы, статус вылета. Три разных человека, три ночи, один и тот же аккуратный след в системе. Ни одного совпадения, которое можно было бы списать на ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.